

Во-первых, страны Евразии стремительно наращивают свои военные расходы, а их темпы роста значительно опережают мировые.

Во-вторых, в начале века не только стремительно росли расходы на оборону США (вплоть до 2013 ф. г.), но и экспорт оружия, военной техники и разного рода услуг.

Очевидное нарастание конфликтности и готовности ведущих мировых держав использовать военную силу в Евразии сопровождалось последнее десятилетие стремительным ростом военных потенциалов. Это было видно из фактически удвоения военных расходов за 10 лет, которое произошло практически во всех странах АТР, но, прежде всего, в США, чья доля в мировых расходах на военные цели превысила 40%. Значительная часть этих средств шла на развитие возможностей использования военной силы в Евразии. Так, из запрошенных Б. Обамой на 2013 год финансовых средств (более 650 млрд долл.) почти 80 млрд специально выделялось на обеспечение действий в Афганистане.

Такие процессы милитаризации экономики неизбежно ведут к нарастанию противостояния между локальными цивилизациями сами по себе, не зависимо даже от политических установок, но, взятые вместе с ними, эта тенденция означает нарастание вероятности реализации сценария военного противостояния, более того, делает его реализацию уже в среднесрочной перспективе неизбежным.

Противодействие такому развитию сценариев противостояния в виде осознанного стимулирования развития сценария создания широкой военно-политической коалиции в Евразии — единственная пожалуй, эффективная стратегия для России и ее потенциальных союзников. Эта стратегия должна быть прежде всего публично политически и популярно озвучена и стать реальной общественно-политической альтернативой сценарию военно-политической интеграции западной локальной цивилизации.

4.4. Воздушно-космическая оборона как эффективный инструмент практической евразийской интеграции

Заранее понимая, в каком направлении и в какой динамике будет меняться та или иная ситуация, можно упредить многие вызовы, а также избежать ошибок и упущений в стратегическом планировании...²³.

С. Нарышкин,

Председатель Государственной Думы ФС РФ

Превращение средств воздушно-космического нападения в глобальное средство ведения войны и защиты от них практически превратило эти средства в синоним суверенитета государств и его способности защитить свои национальные интересы, систему ценностей своей цивилизации и своих союзников. Хронологически этот процесс состоялся в конце XX века: бомбардировки Югославии, Ирака, (в XXI веке) — Афганистана, Ливии, Сирии, Украины и др. стран показали, что только страна, обладающая средствами воздушно-космического нападения (ВКН) и защиты (ВКО), может называться вполне суверенным и независимым государством в военном и политическом отношении.

Учитывая, что эти современные виды и системы ВиВТ производятся в ограниченном числе государств (кроме США и России, способных создавать все виды и системы, некоторыми

возможностями могут обладать Франция, Великобритания, Китай, Израиль, Индия и ряд других государств), обеспечение безопасности в области ВКО становится жестко политически ориентировано. Так, отказ России от поставок Ирану С-300 заставил их создать и производить собственную аналогичную систему, но это, безусловно, не означает, что Иран смог обеспечить свою воздушно-космическую безопасность. Для того, чтобы лучше представить себе масштаб задач, стоящих перед ВКО страны, можно привести видение этой проблемы Генеральным конструктором Концерна ПВО «Алмаз-Антей».

В XXI веке наиболее актуальной угрозой в Евразии стала угроза воздушно-космического нападения, возможные сценарии которой были уже апробированы США в Ираке и Ливии. Наземные операции в Афганистане, Ираке, других странах, показали свою неэффективность, даже

Рис. 9.²⁴

Рис. 10.²⁵

Рис. 11.²⁶

Рис. 12.²⁷

Рис. 13.²⁸

вредность. Понятно, что единственным реальным средством противодействия воздушно-космическому нападению становятся средства ВКО. Они же, будучи оформлены в адекватную военную доктрину, могут стать и главным инструментом военно-политической интеграции в Евразии, т. е. помочь реализовать сценарий военно-политической интеграции в Евразии. Это может быть тот редкий случай, когда внешне выглядевшие военно-технические решения становились влиятельными средствами политики. Решение этой задачи однако под силу лишь нескольким государствам, либо коалициям. Система ВКО предполагает, в частности, разработку, создание, развертывание и эксплуатацию следующих основных подсистем, которые показаны на рисунке (рис. 10).

В свою очередь подсистема единого информационного пространства ВКО представляет собой архисложный «пирог» из информационных систем (рис. 11).

В этой связи необходимо рассмотреть аргументы в пользу этой идеи. Идея, которая может стать главным инструментом евразийской интеграции и лечь в основу общей военной до-

ктрины и планов военного строительства военно-политической коалиции в Евразии, противостоящей НАТО.

1. Ни одна из стран любого союза, включая СНГ, в силу финансовых научно-технических, технологических и иных проблем, не способна обеспечить создание ВКО своей национальной территории самостоятельно, без сотрудничества с Россией и другими государствами СНГ и Евразии.

Уровень такого сотрудничества вместе с тем определяется прежде всего уровнем военно-политического и научного сотрудничества, общностью системы ценностей и пониманием необходимости усиления позиций в конкуренции этносов в Евразии, способностью конкурировать с противостоящими силами. Простой пример. За последнее десятилетие XXI века военные расходы США выросли с 300 до 700 млрд долл., а расходы на разведывательную деятельность — 80 млрд долл.²⁹, что составляет половину мировых расходов. Соответственно противопоставить аналогичные научно-технические программы будет стоить, как минимум, столько же.

Другие союзники США — Япония, Великобритания, Франция, Германия — тратят на военные цели примерно столько же, сколько Россия, а Канада, Саудовская Аравия, Южная Корея — несколько меньше. В целом же военные расходы США и их союзников примерно в 20 раз превышают российские, что делает военное соревнование по всем направлениям военного строительства бессмысленным. Неизбежно придется выбирать и концентрироваться на одном-двух направлениях. Вероятнее всего, на ВКО и СЯС, которые во все большей степени превращаются в единый стратегический комплекс.

Вместе с тем евразийская кооперация может позволить странам не только создать национальные системы ПВО и ПРО, но и объединенную систему ВКО Евразии.

Другими словами, потенциально у Евразии есть организационная и промышленная структура, способная при определенных условиях решить задачу евразийской ВКО.

2. Последние 20 лет продемонстрировали, что военная сила развитых государств, активно использовавшаяся США и их союзниками против Югославии, Ирака, Ливии и других государств, представляет собой прежде всего способность к нанесению высокоточных ударов авиацией и крылатыми ракетами (КР), а ее нейтрализация зависит от развитой системы ВКО.

В последние годы этот потенциал пополняется новыми типами ВТО, чья скорость и дальность существенно увеличены. Эти новые типы и системы оружия, разрабатываемые в рамках концепции «Быстрого глобального удара», например, гиперзвуковые аппараты и КРМБ, позволяют наносить неядерные высокоточные удары по любой точке планеты в течение часа³⁰.

Важно отметить, что эти программы переходят из стадии разработок и испытаний в стадию полномасштабного развертывания, которая уже измеряется не десятилетиями, а годами. Иначе — формирование потенциала для воздушно-космического нападения и защиты от уцелевших средств противника перешло в заключительную фазу.

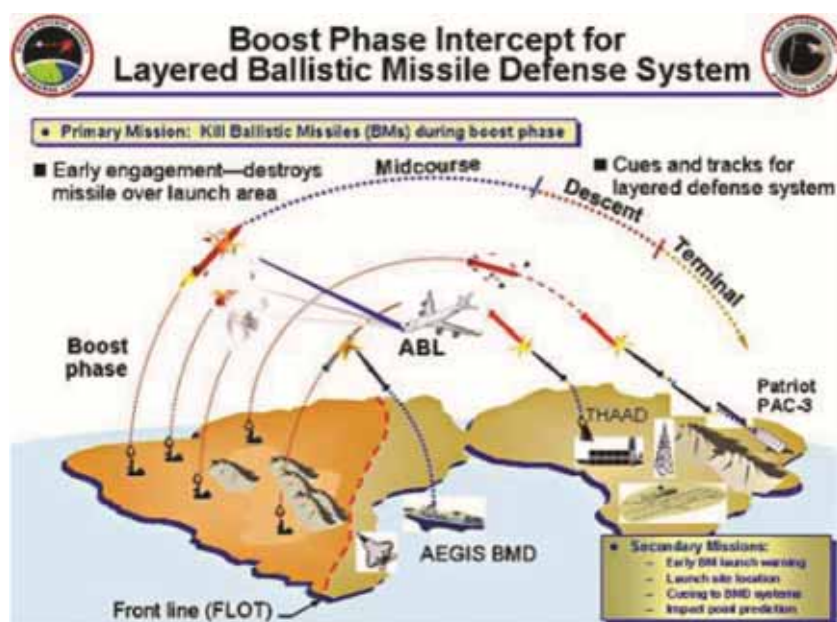
Аргументы о том, что эти системы направлены против Ирана, не выдерживают критики. По признанию представителей Пентагона, ракетные потенциалы Тегерана надежно нейтрализованы 24 батареями системы ПВО/ПРО «Пэтриот», размещенными в шести государствах Персидского залива (это от 96 до 384 ракет в зависимости от их типа); корабельными ракетами-перехват-

чиками ВМС США SM-3 с БИУС «Иджис», расположенными в его зоне (боекомплект до 300 ракет, поскольку в Аравийском море постоянно находятся несколько таких кораблей), а также эффективными средствами ПРО Израиля. «Возражай, не возражай против такой мощной противоракетной инфраструктуры — она все равно уже развернута»³¹, — считает В. Козин.

К этому надо добавить еще две батареи противоракетной системы ТНААД (в общей сложности 96 ракет-перехватчиков с двумя РЛС), которые США решили в конце декабря 2011 года поставить ОАЭ на сумму 3,48 млрд долл. В 2011 году Вашингтон дал добро на продажу Кувейту 209 ракет «Пэтриот» повышенной точности GEM-T-104E, а также на замену ракет «Пэтриот» PAC-2 на PAC-3 в Саудовской Аравии. О потенциальных возможностях Пентагона по сдерживанию «иранской ракетной угрозы» говорит также тот факт, что в период войны против Ирака в 2003 году Соединенные Штаты сконцентрировали в зоне конфликта в общей сложности 1015 ракет-перехватчиков ЗРК «Пэтриот» PAC-2 и 54 ракеты PAC-3³².

Особенно дестабилизирующими станут новые типы противоракет SM-3 ПВ, которые будут предназначены для перехвата баллистических ракет. Как показали слушания в Конгрессе США в феврале 2013 года, эти ракеты «будут обладать значительно большими возможностями, чем предыдущие типы SM-3»³³. Обращает на себя внимание и то, что в ходе доклада отмечается, что наиболее эффективной дислокацией этих ракет признается размещение на судах ВМС США в Северном море, что абсолютно дезавуирует идею «иранской угрозы» с юга.

Собственно в создании интегрированного — наступательного и оборонительного потенциала в Евразии и по периметру ее границ — аккумулируются сегодня основные усилия США. Причем этот потенциал переходит в плоскость возможности его практического использования. Осенние учения 2012 года успешно продемонстрировали возможности США по отражению ракетной угрозы, состоящей одновременно из пяти целей и ракет различного радиуса действия. Эти испытания укладываются во второй раунд создания глобальной системы ВКО США и заключаются в отработке всех систем региональной ПРО, которая будет реализовываться сначала в Европе и Юго-Восточной Азии. Так как система имеет значительную мобильность, то возможности ее использования не ограничиваются только этими

регионами, и она может быть развернута практически в любой точке мира. Практически это означает, что по периметру Евразии формируется глобальная система ВКО США.

Впервые установки типа THAAD отразили угрозу удара ракетами средней дальности (MRB), комплекс Patriot Advanced Capability-3 (PAC-3) уничтожил крылатую ракету малой дальности (SRBM), двигавшейся на предельно малой высоте вдоль водной поверхности.

Демонстрация боевых возможностей региональной системы ВКО была проведена в районе атолла Кваджалейн и прилегающей к нему западной части Тихого океана, что позволило отработать действия комплекса ПРО морского базирования (Aegis Ballistic Missile Defense (BMD), а также системы THAAD и PATRIOT на островах и мобильных морских платформах.

Это означает, что в ближайшие 3–5 лет у США и их союзников появится военно-техническая возможность использования военной силы в Евразии в любой точке по своему усмотрению в любое время и против любого противника. Иран, КНДР или Афганистан, конечно, не являются главными целями такой политики. Уже имеющихся у США в настоящее время средств вполне достаточно, чтобы решить эти задачи. Главной целью являются Россия и Китай, точнее, их возможность контролировать ситуацию в Евразии и АТР.

Единственным практическим средством нейтрализации угрозы воздушно-космического нападения становится создание объединенной системы ВКО евразийских государств, если,

конечно, исходить из того, что эти страны хотят сохранить свой суверенитет во внутренней и внешней политике.

3. В последнее десятилетие складывается ситуация, когда США фактически создают единую систему ПРО вокруг и в самой Евразии, состоящую из отдельных территориальных систем в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Предположительное завершение создания единой системы ПРО к 2020 году может привести к такой ситуации, когда США смогут без особого риска использовать во всей Евразии высокоточные системы наступательных вооружений, превратив их фактически в потенциал первого, «разрушающего» удара. Традиционное ядерное сдерживание перестанет существовать, а вместе с ним и последний атрибут великой державы для России. Вместе с тем, ряд экспертов, например, академик А. Арбатов, полагают, что имеющиеся у России комплексы средств преодоления ПРО (КСП ПРО) уже сегодня «на порядок более эффективны...», чем запланированная к 2020 году система США/НАТО»³⁴.

Думается, что эти оценки излишне оптимистичны. Проблема в том, что они не учитывают важнейшей характеристики средств ПРО: буферности системы. Предположим, что оценка верна, и вероятность поражения баллистической цели одной ракетой действительно стала на порядок хуже, то есть 0,09 вместо 0,9. Таким образом, для доведения вероятности поражения до приемлемой величины потребуется на порядок больше ракет. В США прекрасно осознают эту потреб-

ность, и количество противоракет уже сегодня превышает количество перехватываемых целей более чем в 3 раза. При сложившемся темпе наращивания численности перехватчиков одновременно с ростом их потенциала декларируемое «превосходство на порядок» будет сведено к нулю через 10–12 лет по самым пессимистичным оценкам. А с учетом слабой вариативности траекторий боевых блоков и повышенного потенциала перехватчиков класса GBV, размещенных на основных направлениях возможного удара, превосходство даже самых передовых боевых частей будет нивелировано на этих направлениях за 5–7 лет. Реальность такова: мы стоим на пороге того периода,

когда ядерное сдерживание перестает быть эффективным, а само ядерное оружие становится бесполезным. Более того, его могут объявить «вне закона» не только применительно к Ирану, КНДР, но и к другим странам.

4. Под угрозой находится стратегическая стабильность, сложившаяся в последние пять десятилетий. Утеря Россией возможности ядерного сдерживания неизбежно отразится не только на ее военных возможностях, но и на внешнеполитических позициях и прочности суверенитета, а также на позициях ее союзников по ОДКБ, более того, на всей ситуации в Евразии. Фактически большинство этих государств могут оказаться объектом для

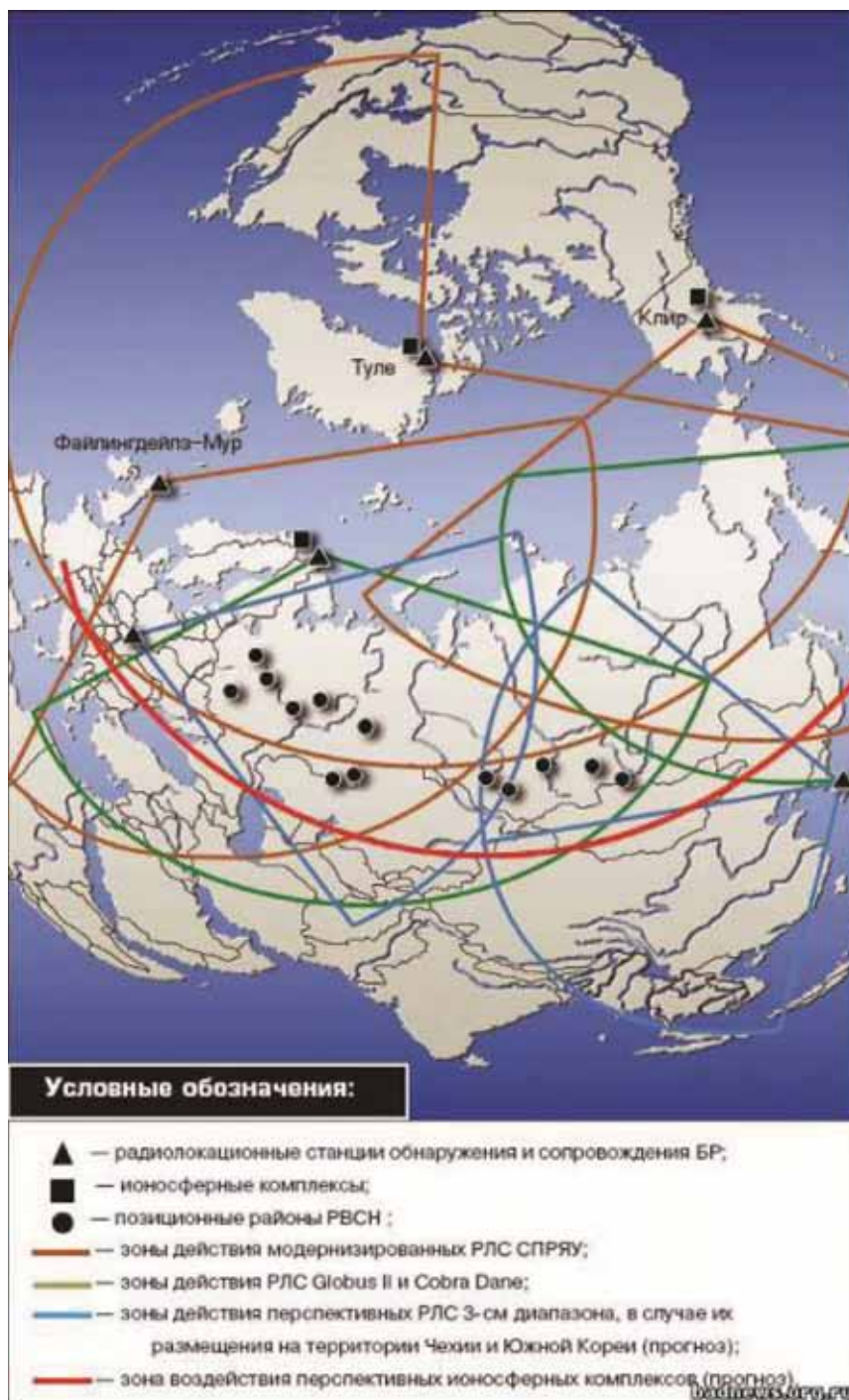

Долгосрочное прогнозирование сценариев развития ВПО

шантажа населения с применением массированного воздушного удара по всей своей территории. Пример с Ливией очень показателен: война была выиграна с помощью КР и авиационных ударов без наземной операции. При этом главной угрозой стратегической стабильности становится развертывание глобальной системы ВКО США.

Сегодня наблюдается системное и достаточно быстрое, заранее спланированное наступление на стратегическую стабильность. Так, за 2011 год модернизированы:

- система обнаружения и слежения (UEWR) различных видов ракет, которая направлена на околоземное пространство, РЛС раннего предупреждения ракетного пуска;
- три комплекса наземных пусковых установок в Форт Грейли;
- установлено улучшенное программное обеспечение по управлению системы перехватчиков (GMD Fire Control) и новый узел контроля управления системой слежения и выявления целей FGA;

- закончено строительство основных конструкций Missile Field-2.
- К началу 2012 года ВКО США состояла из:
  - 30 наземных комплексов (GBI) ПРО от Аляски до Калифорнии;
  - 23 комплексов морского базирования (BMD), рассчитанных на противодействие ракетам малой и средней дальности и для выполнения операций по наблюдению и слежению за ракетами дальнего радиуса действия (LRS&T);
  - 87 комплексов ракет перехватчиков SM-3 и 72 комплекса SM-2 морского базирования;
  - двух систем THAAD;
  - шести радаров типа AN/TPY-2;
  - 903 ракет типа PATRIOT (PAC)-3 новой модификации;
  - 56 узлов огневой поддержки типа PAC-3³⁵.

5. Рост конфликтности в Евразии — очевидный факт, имеющий прямое отношение не только к Центральной Азии, но и к Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, где территориальные и экономические проблемы становятся все более острыми, а готовность к их разрешению снижается. В немалой степени этому способствует и растущая конкуренция в мире, борьба за ресурсы и влияние.

Сказанное говорит о том, что проблема создания эффективной ВКО — это отнюдь не только российская, а евразийская проблема, в решении которой должны быть заинтересованы по большому счету все государства континента. Но и для России, следует подчеркнуть, необходимо решительнее выходить за рамки

идеи создания национальной ВКО, которая не может быть реализованной только ресурсами нашего государства. Тем более такая система ВКО не может «разорвать» решение проблемы евразийской безопасности на сугубо «российскую» и «остальную». Как справедливо заметил академик А. Торкунов, «При рассмотрении любого исторического феномена необходима своеобразная шкала мер, элемент сопоставления. Российскую государственность, степень консолидации российского суверенитета можно понять только на общем фоне международных отношений конкретного периода, только в сопоставлении с состоянием дел у ближайших соседей и лидеров мирового порядка»³⁶.

6. В этой связи важно подчеркнуть тезис, который постоянно пытаются игнорировать в последние десятилетия: в международных отношениях военная сила остается (порой, решающим) инструментом внешней политики, несмотря на рост влияния «мягкой силы» и экономических средств воздействия, несмотря на все процессы глобализации и «гуманизации». При этом важно понимать, что военная сила по-прежнему, как и в XX веке, реализуется в двух формах — политико-психологической (давление, шантаж) и прямой, военной. Для того, чтобы политико-психологическая (в т. ч. «эмоциональная») форма была эффективна, нужно, чтобы угроза использования военной силы выглядела абсолютно реальной. Здесь играют главную роль не намерения («intentions»), а возможности («capabilities»).

4.5. Сценарий возможной евразийской военно-политической интеграции во главе с «российским ядром»

Запад выиграл мир не с помощью своего превосходства в идеях, ценностях или религии, ... но скорее с помощью превосходства применения организованного насилия. Запад иногда забывает это; не-Запад — никогда³⁷.

*С. Хантингтон,
политолог*

Россия сможет их преодолеть (жесткие реалии), если обретет собственную стратегию, ориентированную на традиционный для себя евразийский регион, найдет нужные для новой евразийской интеграции идеи³⁸.

*С. Глазьев,
советник Президента России*

На возможный сценарий долгосрочного военного планирования России должно влиять две группы факторов: формирование ВПО в мире с учетом вероятности складывания враждеб-

ной военно-политической коалиции, во-первых, и развитие военных программ государств, объединенных в такую враждебную Россию военно-политическую коалицию, в Евразии, во-вторых.